

НАША СТРАНА

ЕЖЕНЕДЕЛЬНАЯ ГАЗЕТА
ОСНОВАНА И. Л. СОЛОНЕВИЧЕМ

“NUESTRO PAIS”

SEMENARIO MONARQUICO RUSO

Registro Nacional de Propiedad Intelectual N° 949917

Editor - Director

TATIANA K. DE DUBROWSKY

Monroe 4219, Dep. 10

Buenos Aires (30)

Argentina

Correo
Argentino
Suc. 30 (B)

FRANQUEO PAGADO

Concesión N° 4233

Concesión N° 3980

INTERES GENERAL

AÑO XXVI

Buenos Aires, martes 5 de marzo de 1974

Буэнос Айрес, вторник 5 марта 1974

N° 1253

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

НА РОДИНЕ

ПОСРЕДНИЧЕСТВО БРЕЖНЕВА МЕЖДУ НИКСОНОМ И ФИДЕЛЕМ КАСТРО. — ПЕРИПЕТИИ ЗАМИРЕНИЯ МЕЖДУ АРАБСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ И ИЗРАИЛЕМ И НЕФТЯНАЯ ПРОБЛЕМА. — БРЮССЕЛЬСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ЗАПАДНО-ЕВРОПЕЙСКИХ КОМПАРТИЙ. — НЕФТЯНОЙ КРИЗИС В СССР — НОВЫЕ МЕТОДЫ ТРАВЛИ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА И НАЧАЛО ТРАВЛИ КИЕВСКОГО ПИСАТЕЛЯ В. П. НЕКРАСОВА.

28-го января неожиданно для внешнего мира и для советских читателей прилетел в Гаванну Брежнев в сопровождении министров иностранных дел А. А. Громыко и гражданской авиации Б. П. Бугаева и своего «помощника ген. секретаря по иностранным делам» А. М. Александрова-Агентова, всегда сопровождающего Брежнева при международных поездках.

С пути второй «Ильич» послал дружески телеграмму Никсону, чтобы заверить его в том, что эта поездка послужит делу мира. Она была подготовлена младшим товарищем Брежнева по Днепропетровскому Институту 52-летним Н. П. Толубеевым, которого Брежнев на 24-ом съезде провел в члены ЦК и назначил в январе 1971 г. послом в Кубе. Теперь начинается выясняться, что он поручил Толубееву подготовить примирение между Никсоном и Фиделем, одинаково выгодное для всех трех сторон: при своих утергэйтских неприяностях Никсону было бы очень выгодно показать себя миротворцем не только во Вьетнаме и на Ближнем Востоке, но и в Карибском море, где столько лет длится конфликт с Кубой, который ему оставили его предшественники по Белому Дому, Кастро было бы выгодно закрепить свое непрочное положение таким сговором и наконец самому Брежневу особенно выгодно выступить в роли замирителя между двумя американскими государствами.

В прошлом Кубу посещали Микоян в период кризиса из-за увоза домой советских ракет после получения Хрущевым ультиматума Кеннеди, затем дважды Косыгин, но теперь впервые сам генеральный секретарь ЦК, считающийся много важнее Косыгина. Фидель Кастро встретил гостя на аэродроме и наклонился, чтоб расцеловать Брежнева в обе щеки. В тот же день начались переговоры, причем выяснилось еще одно любопытное обстоятельство: в начале января Кастро приглашал Брежнева отдать ему визит и прибыть на юбилей его прихода к власти, но Брежнев опасаясь, что этот праздник примет антиамериканский характер и омрачит его дружбу с Никсоном, которой он очень дорожит.

Выступая 30-го января на главной площади Гаваны перед многотысячной толпой, Брежнев восхвалял свою политику мира и особенно договор, подписанный с Никсоном в мае 1973 г. об ограничении термоядерных испытаний; для смягчения своего филоамериканского тона, он добавил, что СССР никогда не оставит Кубу в одиночестве, но будет смотреть на нее не как на стратегическую базу или с целью вложения капиталов, но, как на старого друга, снабжая оружием для самозащиты, ибо Куба не собирается ни на кого нападать. «Империализм еще не умер и это мы помним. Наша мирная политика дала свои плоды: мир во Вьетнаме и первое чисто военное соглашение Египта с Израилем, которое должно быть первой ласточкой будущего мира на Ближнем Востоке на основе очищения занятых Израилем территорий и признания арабского народа Палестины».

В ответ на речь Брежнева Фидель Кастро произнес миролюбивую речь, подчеркивая, что Куба ценит материальную помощь СССР и не боится империализма, но впервые не сделал ни одного выпада против «империализма янки».

В беседах между ними Брежнев и Кастро много говорили об усовершенствовании сельскохозяйственных машин и более передовых методах сельского хозяйства. Брежнев говорил об успехах сельского хозяйства в СССР после 24-го съезда партии, подчеркивая геиническую помощь США и явно соблазняя собеседника пойти по пути мирного сотрудничества с американцами.

Трудно сказать: была ли эта роль мирного посредника взята Брежневым по своему почину или по просьбе Никсона?

Замирение на Ближнем Востоке происходит не так гладко, как этого ожидал Киссинджер: если в Египте израильские войска очистили западный берег канала и это восстановило сообщение между Каиром и Суэзом и сообщение с отрезанной в продолжении 96 дней третьей египетской армией, а египтяне убирают танковые части и тяжелую артиллерию на восточном берегу канала, то Сирия продолжает отказываться от перемирия: на склонах Голана происходит артиллерийская перестрелка и Сирия до сих пор не выполнила первое требование Израиля: представить список военнопленных и позволить их посетить делегации Международного Красного Креста и Полумесяца. Король Иордании Гуссейн согласен на участие в женеvских переговорах после очищения израильскими войсками хотя бы части западного берега Иордана, а палестинский вождь Арафат требует признания палестинского государства в этой зоне.

Для нас интересно, что СССР представляет первую роль в этом замирении Соединенным Штатам и пока проявил свою политику только в двух вопросах. Прилетевший в Москву египетский министр иностранных дел доложил Брежневу о своих переговорах с американцами, которые были одобрены Брежневым, сообщившим египетскому гостю, что все выступления Киссингера были заранее согласованы с СССР. Затем СССР сообщил Сирии, что прекратит посылку оружия, если Сирия не согласится принять участие в мирных переговорах, на что получил ответ, что израильтяне должны очистить всю занятую ими в период октябрьской войны сирийскую территорию.

Связанный с войной нефтяной бойкот Европы, Японии и Америки развивается своим путем. США создали на 10-е февраля конференцию стран, импортирующих нефть, чтоб действовать единым фронтом, но Франция уже сговорилась с Саудией о поставках нефти взамен технического оборудования и, что еще важнее, танков и самолетов для военной авиации. На тот же путь вступают Япония и Италия. Япония обещает техническую помощь для индустриализации тех арабских стран, которые прекратят ее бойкот в отношении нефти. Итальянский министр иностранных дел Альдо Моро посетил Египет, где сговорился о техни-

ческом сотрудничестве при очищении Суэцкого канала и при проведении нового его рукава на Александрию, а затем сговорился с Саудией и Кувейтом о продаже Италии нефти в обмен на постройку итальянскими инженерами ряда заводов, включая нефтеочистительные.

Эти факты нам интересны, ибо знаменуют конец советской монополии в отношении технической помощи арабским странам. В этом вопросе СССР также занимает пассивную позицию. Ходят слухи, что СССР исподтишка снабжает арабских террористов бомбами и револьверами для выполнения ими террористических актов, но фактов, подтверждающих эти тайные поставки оружия, до сих пор нет и Брежнев мог бы напомнить старую поговорку: «не пойман, не вор», что относится также к поставкам оружия ирландским террористам, продолжающим убийства британских солдат и полицейских в Уэльстере.

29-го января закончила в Брюсселе свою пятидневную работу конференция западно-европейских компартий. Главную роль играла на этой конференции итальянская делегация, представлявшая самую мощную на западе компартию с полуторамиллионом членов и десятью миллионами избирателей. Ее возглавлял генеральный секретарь Энрико Берлингуэр, прибывший с Амандола и вдовой Толлиатти Хильдой Иотти. Конференция поставила целью всех этих компартий «образование единого фронта демократических сил» с участием социалистов и левых католиков, входящих формально в состав клерикальных партий, но на деле сотрудничающих с коммунистами в городских и сельских органах самоуправления. Официально целью такого «народного фронта» представлена борьба против возрождающегося и растущего, в Италии, нефашизма, блокирующегося с монархистами. Особенное внимание следует уделить миллионам молодых людей, которые протестуют против капиталистической эксплуатации. В отношении «верующих христиан» надо вести политику «протянутой руки», ибо много христиан недовольны современным экономическим кризисом, царящей социальной несправедливостью и потому могут пойти с коммунистами.

Даже в церквях католического мира раздается протесты против капиталистической эксплуатации человека человеком. Коммунисты страж, входящих в Общий Рынок, должны провести «демократизацию» его учреждений. Поэтому этот Общий Рынок надо взорвать изнутри путем парламентских выступлений в разных комиссиях и на международных конференциях. Но коммунисты Великобритании, Ирландии и Дании, которые боролись против вступления этих государств в Общий Рынок, остались при особом мнении: они будут бороться не за «демократизацию» этой «капиталистической организации», а за выход своих стран из него и вообще за его распад.

Зато все компартии единодушны в стремлении не допускать принятия в Общий Рынок трех «фашистских» государств: Испании, Португалии и Греции. Наконец они должны бороться против снабжения своих стран термоядерным оружием.

Эта резолюция заставила бы перевернуться в гробу в Мавзолею мумию Ленина, ибо она носит меньшевицкий характер: Ленин никогда не допускал никакого блока, хотя бы тактического, с социалистами, которых именовал социал-предателями, и тем более с левыми католиками. Первой задачей компартий во всем мире Ленин считал борьбу против религии: коммунисты при нем должны были убеждать верующих стать

безбожниками, а не набожными союзниками безбожных коммунистов. Также он не допускал никакого блока с меньшевиками и считал, что коммунисты победили в октябре 1917 года тем, что категорически отказывались войти в правительство Керенского, а стремились к его свержению путем вооруженного восстания, чего добились в октябре после первой неудачи в июле 1917 года.

Конференция также изменила заветам Ильича тем, что объявила, что каждая стража должна придти к коммунизму своим собственным путем, что также противоречит Ленину и Сталину. По данным коммунистической печати, на конференции не было наблюдателей ни от СССР, ни от Китая, ни даже от европейских сателитов СССР. Это тоже признак слабеющего влияния СССР на западные компартии, которыми должен руководить секретарь ЦК и кандидат в члены политбюро Пономарев.

СССР экспортирует нефть, а потому, казалось бы, его не должен озабочивать направленный против Западного мира арабский нефтяной бойкот. Поэтому не совсем понятно, почему в Москве с середины декабря начали тушить уличные фонари не в полночь, а в одиннадцать часов вечера, причем это постановление горсовета не сопровождалось никакими пояснительными статьями в печати. Затем в конце декабря на московских окраинах начали тушить фонари в девять часов вечера.

С начала января в Москве еще более сократилось освещение улиц, фонари стали зажигаться через один, а не все подряд. Также значительно уменьшилось число освещаемых при ранних московских сумерках магазинах витрин. Только Красная Площадь и Кремль освещаются нормально по-прежнему.

Бензиновые колонки для обслуживания и без того малочисленных по сравнению с Западом автомобилей остаются закрытыми более продолжительное время особенно в дневные часы, что объясняется недостатком горячего.

Мало читаемый иностранцами орган Моссовета «Московская Правда» стал в январе помещать статьи, призывающие фабрики и заводы к экономии в расходах горячего: «необходимо беречь горячее и электроэнергию в промышленных предприятиях, на транспорте и на строительстве. При этом ограничения в расходах горячего не коснутся жилых помещений в настоящем отопительном сезоне, как и детских учреждений, больницы и школ».

Однако на практике магазины, школы и фабрики отапливаются в эту зиму хуже обычного.

Это касается не только столицы. В Минске Косыгин при посещении белорусской столицы признал, что в этом году СССР испытывает затруднения с топливом, которые однако значительно меньше, нежели в западных государствах, но все же надо бережливо расходовать топливо.

Косыгин объяснил причину затруднений в стране, экспортирующей нефть и потому не задетой арабским бойкотом импортирующих нефть стран. Начиная с января с. г. заметно сокращается вывоз нефтепродуктов в страны Восточного Блока и СССР ответил отказом на просьбу финляндского правительства увеличить экспорт нефти в Финляндию, которая перестала получать нефть из арабских стран.

Травля Солженицына в печати приобрела новые более резкие формы: в «Правде» некий Соловьев заявляет, что «Архипелаг ГУЛАГ» представляет собой сплошную ложь (раньше его обвиняли в том, что он вспоминает осужденные партии и правительством извращения

эпохи «культы личности», т.е. отрицая, что они имели место). Солженицын якобы проникнут патологической ненавистью к стране, где он родился и вырос, к социалистическому режиму и к советскому народу. Он заслужил по наказанию, которое уже понес. Советское радио впервые эту статью передало по всей стране.

«Другие писатели описывали мрачные стороны прошлого, но Солженицын первый хочет доказать, что описываемые им преступления не были извращениями и нарушениями социалистической законности, но вытекали из самой природы социализма». При этом снова повторяется, что злоупотребления эпохи культуры личности были партией осуждены, а пострадавшие реабилитированы. Между тем Солженицын показывает, что все эти преследования существовали еще до культуры личности и намекает, что они существуют и поныне.

На проспекте им. Горького появился большой плакат в метр высоты и два метра ширины, где изображены две фигуры «эмигрантов-белогвардейцев» выкрикивающих антисоветские лозунги, а между ними помещен большой портрет Солженицына.

После переданного Солженицыным опровержения трем американским журналистам ТАСС объявляет его режиссером и изменником, отвергнутым всеми честными людьми, орудием антисоветской пропаганды. Особенное бешенство вызывает утверждение писателя, что в СССР по сейчас существует рабство и отсутствует свобода. Ярость вызывают слова Солженицына: «делу мира и добрых отношений между народами вредит не тот, кто разоблачает преступления, а те, кто эти преступления совершали».

«Правда» пишет, что Солженицын не только ненавидит СССР, но и социализм вообще, что он оплакивает поражения контрреволюции в 1968 году в Чехословакии, восхищается прославляющими его западными радиостанциями и преклоняется перед западными реакционными кругами, которые берут на себя его защиту. Он якобы стремится сорвать сотрудничество СССР с Западом и испортить международное положение.

30-го января «Правда» выступила с новыми обвинениями в измене родине и сравнивает его с теми изменниками, которые уже понесли свое наказание. «Литературная Газета» посвящает статью изменникам родины, ставя Солженицына на одну доску с расстрелянными Пень-

ковским и генералом Власовым и напоминает, что до сих пор идут расстрелы коллаборантов, которые в годы войны сотрудничали с немцами. Его обвиняют в воспеании царизма и фашизма, замене чернил ядом антисоветской лжи. К травле Солженицына присоединяется в Праге чешский малоизвестный писатель Войтех Трапль, который в августе 1968 года приветствовал в печати приход советских войск, ибо они спасли Чехословакию от контрреволюционеров, захвативших в ней власть в свои руки.

Однако в Москве находятся люди, которые смело защищают Солженицына, как Сахаров и Чуковская. Высланный две недели назад из Ленинграда врач говорил мне, что не только по Москве, но и по Ленинграду ходят слова Чуковской: «напрасно у нас называют критикующих режим «инакомыслящими»: правильнее было бы сказать, что режим критикуют просто все мыслящие люди, а защищают его и подчиняются ему неммыслящие люди».

30 января академик Сахаров по телефону просил «Бюро по защите прав человека» в Париже заступиться за двух известных жертв режима генерала Григоренко, который содержится в психиатрической больнице под Москвой для новой экспертизы после того, как директор этой больницы признал его здоровым. Сахаров также заступает за киевского математика Леонида Плюща, которому не допускают на свидания жену. Приятельница его жены Кадарович арестована и отправлена поездом под конвоем в Москву. Сахаров просит это бюро обратиться к президенту Помпиду, чтобы он настоял на освобождении биолога Владимира Буковского, который в заключении опасен болен. Сахаров просит Помпиду ходатайствовать о высылке Буковского за границу тем более, что Лейденский университет в Голландии обещал ему кафедру, на которую его выбрал совет профессором.

Группа видных итальянских кинорежиссеров: Ликино Висконти, Роберто Росселини, Микельанжело Антониони, Марко Феррери, Серджио Леоне и Бернардо Бертолуччи послали на имя Косыгина энергичный и резкий протест против ареста 17-го декабря в Киеве известного кинорежиссера Сергея Параджанова и просят сообщить о его дальнейшей судьбе. Арест этого кинорежиссера стал известен на Западе лишь через месяц — в середине января с. г.

В Киеве в начале января произведен обыск у известного писателя Виктора Платоновича Некрасова. Я помню его выступление в Риме, в котором он между прочим сказал, что его бабушка с материнской стороны была приехавшая в Россию итальянка. По возвращении ему досталось от советской критики за то, что он, вспоминая в печати пребывание в Италии, похвалит маленькие итальянские кафе и бары, где собираются по вечерам разного рода люди и толкуют свободно о политике. Ему не простили тогда, что он похвалил частные бары и кафе, где хозяева эксплуатируют труд прислуживающих подростков-лакеев и всякие легкомысленные разговоры, где выражают свое мнение не только коммунисты, но и неофашисты.

Неизвестно, чем был вызван обыск, при котором унесли его переписку, но самого писателя оставили в покое. Он немедленно сообщил по телефону академику Сахарову, что опасается ареста и просил его защиты.

Это показывает, что академик пользуется огромным престижем и всякий опасющийся репрессий интеллигент не чуждается его, несмотря на его травлю, ибо видит в нем естественного своего защитника.

К иностранным корреспондентам обратились за защитой угрожаемые арестом «звезда Ленинградского балета» Валерий Панов и его жена 24-летняя балерина кордебалета Галина Панова. Ссылаясь на еврейское происхождение с материнской стороны, Панов уже два года добивается эмиграции в Израиль (он несомненно, как его товарищ по балету Мицц, по прибытии в Вену сменит Израиль на Англию или США). Ему отвечали одними обещаниями, но 22 января вызвали в ОБИР (отдел Моссовета по выдаче паспортов на выезд), где предложили выехать одному при условии, что жена его, получившая воспитание в балетной школе и русская по крови, останется в Ленинграде и согласится вернуться в балет, откуда их обоих зыгнали, когда они стали хлопотать об эмиграции. Панов уже был в прошлом году арестован в Ленинграде, выпущен через полтора месяца, но оказался выгнанным с женой из балета и их нигде на службу не принимают, сняли у них телефон и они вынуждены жить исключительно на материальную помощь родных и друзей. Он не получает почты, хотя в Москве при переезде для хлопот выяснил, что друзья писали им заказные письма.

Это первый случай, когда читаю, что при политических преследованиях конфискуют на почте письма и снимают телефон, чтобы помешать жаловаться из Ленинграда в Москву по почте или междугородному телефону. Последнее в общем едва ли достигает цели, ибо тогда можно вызвать Москву по телефону ко-го-либо из своих друзей.

Другим замечательным явлением нашего времени является чувство солидарности между преследуемыми интеллигентами и теми русскими и евреями, которые хлопочут о выезде за границу. В мое время от арестованных многие сторонились и боялись посещать их семьи. Сочувствия я в мое время видел много, но оно высказывалось очень осторожно. Никогда не забуду скромного сапожника, у которого мы чинили обувь. Узнав от покойной матери, что она принесла валенки, которые она передаст при отправлении после осуждения в концлагерь, он прекрасно мне их подбил, но отказался взять за это деньги, сказав матери: «они теперь Вам самим очень нужны».

Общий вывод из всех газетных сообщений и моих многочисленных бесед с уже высланными, пережившими в своем прошлом аресты и допросы и всякие другие терзания: советское правительство отступает перед протестами Запада и особенно боится усилить преследования против евреев. Солженицына травят, играют на его крепких чертах, но не смеют арестовать, как и академика Сахарова (хотя арестовали в прошлом генерала Григоренко, Якира, Красина и других, которые полагают, что их не посмеют тронуть). В прошлом ничто не спасало. При Ленине по приказу Зиновьева расстреляли в Ленинграде в августе 1921 года пользовавшегося громкой славой Н. С. Гумилева, а при Сталине погибли в концлагере поэты Мандельштам и Клюев, были расстреляны Борис Пильняк и Бабель и многие другие писатели, поэты и литературоведы.

Все вышеназванное показывает, что обстановка накаляется и растут репрессии, хотя еще весьма далеко до новой ежовщины, ка путь которой не решаются вступить ни стремящийся утвердить свою личную диктатуру Брежнев, опираясь на свою «Днепровскую Мafiю», ни исподтишка подкапывающиеся под него его же коллеги по политбюро. Выступления других партийных фигур на политическую арену пока мы не видим.

АЛЕКСЕЙ РОСТОВ

АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ

1.

АРЕСТ

(ОКОНЧАНИЕ)

Да мало ли что бывает на душе у свежестреленного! — ведь это одно стоит книги. Там могут быть чувства, которых мы и не заподозрим. Когда арестовали в 1921 году 19-летнюю Евгению Дояренко, и три молодых чекиста рылись в её постель, в её комод с бельём, она оставалась спокойна: ничего нет, ничего и не найдут. И вдруг они коснулись её интимного дневника, которого она даже матери не могла бы показать — и это чтение её строк враждебными чужими парнями поразило её сильнее, чем вся Лубянка с её решетками и подвалами. — И у многих эти личные чувства и привязанности, поражаемые арестом, могут быть куда сильней страха тюрьмы или политических мыслей. Человек, внутренне не подготовленный к насилию, всегда слабей насильника.

Редкие умники и смельчаки соображают мгновенно. Директор геологического института Академии Наук Григорьев, когда пришли его арестовывать в 1948 году, забаррикадировался и два часа жег бумаги.

Иногда главное чувство арестованного — облегчение и даже... РАДОСТЬ, но бывало это во времена арестных эпидемий: когда вокруг берут и берут таких, как ты, а за тобой всё что-то не идет, всё что-то медлит — ведь это изнеможение, это страдание хуже всякого ареста и не только для слабой души. Василий Власов, бесстрашный коммунист, которого мы еще помянем не раз, отказавшийся от бегства, предложенного ему беспартийными его помощниками, изнемогал от того, что всё руководство Кадынского района арестовали (1937 г.), а его всё не брали, всё не брали. Он мог принять удар только лбом — принял его и успокоился, и первые дни ареста чувствовал себя великолепно. — Священник отец Ираклий в 1934 г. по-

ехал в Алма-Ату навестить ссыльных верующих, а тем временем на его московскую квартиру трижды приходили его арестовывать. Когда он возвращался, прихожанки встретили его на вокзале и не допустили домой, 8 лет перепрыгивали его с квартиры на квартиру. От этой загнанной жизни священник так измучился, что когда его в 1942-м всё-таки арестовали — он радостно пел Богу хвалу.

В этой главе мы всё говорим о массе, о кроликах, посаженных неведомо за что. Но придёт нам в книге еще коснуться и тех, кто и в новое время оставался подлинно политическим. Вера Рыбакова, студентка-социал-демократка, на воле мечтала о сурдальском изоляторе: только там она рассчитывала встретиться со старшими товарищами (на воле их уже не оставалось) и там выработать своё мировоззрение. Эсерка Екатерина Олицкая в 1924 году даже считала себя не до-стойной быть посаженной в тюрьму: ведь её прошли лучшие люди России, а она еще молода и еще ничего для России не сделала. Но и воля уже изгоняла её из себя. Так обе они шли в тюрьму — с гордостью и радостью.

«Спротивление! Где же было ваше сопротивление?» — бранят теперь страдавших те, кто оставался благополучен.

Да, начинаться ему было отсюда, от самого ареста.

Не началось.

И вот — вас в е д у т. При дневном аресте обязательно есть этот короткий неповторимый момент, когда вас — неявно, по трусливому уговору, или совершенно явно, с обнаженными пистолетами — в е д у т сквозь толпу между сотнями таких же невинных и обречённых. И рот ваш не заткнут. И вам можно и непременно надо было бы КРИЧАТЬ! Кричать, что вы арестованы! что переодетые злодеи ловят людей! что хватают по ложному доносам! что идет глухая расправа над миллионами! И слыша такие выкрики много раз на день и во всех частях города, может быть сограждане наши ощетились бы? может аресты не стали бы так легки!?

В 1927-м году, когда покорность еще не настолько размячила наши мозги, на Серпуховской площади днём два чекиста пыгались арестовать женщину. Она схватила фонарный столб, стала кричать, не даваясь. Собралась толпа. (Нужна была такая женщина, но нужна ж была и такая толпа! Прохожие не все потупили глаза, не все поспешили шмыгнуть мимо!) Расторопные эти ребята сразу смуглились. Они не могут р а б о т а т ь при свете общества. Они сели в автомобиль и бежали. (И тут бы женщине сразу на вокзал и уехать! А она пошла ночевать домой. И ночью отвезли её на Лубянку.)

Но с в а ш и х пересохших губ не срывается ни единого звука, и минующая толпа беспечно принимает вас и ваших палачей за прогуливающихся приятелей.

Сам я много раз имел возможность к р и ч а т ь.

На одиннадцатый день после моего ареста три смершевца-дармоеда, обременённые четырьмя чемоданами трофеев больше, чем мною (на меня за долгую дорогу они уже положились), привезли меня на Белорусский вокзал Москвы. Назывались они с п е ц к о н в о й, на самом деле автоматы только мешали им тащить четыре тяжелейших чемодана — добро, награбленное в Германии ими самими и их начальниками из контрразведки СМЕРШ 2-го Белорусского фронта, и теперь под предлогом конвоирования меня отвозимое семьям в Отечество. Пятый чемодан безо всякой охоты тащил я, в нём велись мои дневники и творения — улики на меня.

Они все трое не знали города, и я должен был выбирать кратчайшую дорогу к тюрьме, я сам должен был привести их на Лубянку, на которой они никогда не были (а я её пугал с министерством иностранных дел).

После суток армейской контрразведки; после трёх суток в контрразведке фронтовой, где однокамерники меня уже образовали (в следовательских обманах, угрозах, битье; в том, что однажды арестованного никогда не выпускают назад; в неотклонимости д е с я т к и) — я чудом вырвался вдруг и вот уже четыре дня еду как в о л ь н ы й,

Так говорит Господь: проклят человек, который надеется на человека и плоть делает своею опорой, и которого сердце удаляется от Господа. (Иеремии 17, 5.).

Благословен человек, который надеется на Господа, и которого упование — Господь. (Иеремии 17, 7.).

После многолетних раздумий и колебаний как разрешить этот вопрос, Ватикан наконец все-таки решил удалить на покой кардинала Миндсенти, устраняя его от должности архиепископа Эсцтергомского и примата Венгерского.

История кардинала Миндсенти всем известна: в 1944 году он узник нацистов, в 1948 году его под пытками заставляют признаться в ряде преступлений (в том числе «спекуляция валютой»), и он становится узником коммунистов. Во время венгерского восстания он обретает свободу, а после подавления этого восстания он находит убежище в Североамериканском посольстве в Будапеште, в котором он проживает свыше десяти лет. После долгих, сложных и секретных переговоров между дипломатами Ватикана и коммунистическими главарями Будапешта кардинал Миндсенти вынужден уступить давлению Ватикана и покинуть свое добровольное заточение в посольстве США. Ласковая встреча оказанная ему Папой, не смогла скрыть того факта, что сам Миндсенти покинул свою родину лишь в силу своего послушания и выполнения церковной дисциплины. Переехав из Рима в Вену («ближе к своей пастве»), он упорно не соглашался отказаться от своего титула правящего архиепископа Эсцтергомского, как это внушала ему ватиканская дипломатия, под давлением, в свою очередь, дипломатии коммунистической.

Теперь, после окончательных переговоров в январе этого года по этому вопросу между «разъезжающим» послом Ватикана архиепископом Лунджи Поджи и коммунистическими главарями Будапешта кардинал Миндсенти указом Папы Павла Шестого наконец удален на покой и отстранен от своих должностей.

На этот раз кардинал открыто атаковал это решение Ватикана. Ватикан, в свою очередь, вынужден был публично оправдывать такое свое решение. Тут говорится об «интересах» Вен-

В КОРЕНЬ ДЕЛА

НА РАСПУТЫИ МЕЖДУ ИСПОВЕДНИЧЕСТВОМ ПРАВДЫ И СОГЛАШАТЕЛЬСТВОМ С СИЛЬНЫМИ МИРА СЕГО

герской Церкви, о возрасте кардинала (82 года), о решении кардинала опубликовать свои мемуары в Западной Германии, о желательности иметь в Венгрии епископов имеющих прямой контакт как со своей паствой, с одной стороны, так и с Ватиканом, с другой.

Также указывается, что Ватикан был осведомлен о содержании мемуаров кардинала, в которых он атакует коммунизм и критикует Ватикан за его чрезмерные уступки коммунистическим правительствам.

Пойдя навстречу коммунистическим главарям Будапешта, Ватикан, в свою очередь ограничился просьбой, чтобы католическим правящим епископам в Венгрии была предоставлена «большая свобода». (Именно большая свобода, а не просто свобода!)

Как видно, тут мы имеем дело с двойственным отношением Ватикана по отношению к властям коммунистическим и к некоммунистическим. В прошлом году, мы обращали внимание наших читателей на требования католической иерархии Испании установления многопартийной системы в стране. Тогдашний вице-президент испанского правительства адмирал Карреро Бланко обратил внимание этой иерархии на недопустимость чисто политических требований с ее стороны. Карреро Бланко также критиковал в той же речи перед испанским парламентом либерализм и коммунизм, с ясными намеками на их общий источник. (Как известно, через год после этого своего выступления, адмирал Карреро Бланко был зверски убит террористами, не совсем ясной организации. Вместе с ним погибли еще два человека: сопровождавший его полицейский и шофер автомашины, в которой они ехали. Теперь следовало бы ожидать, чтобы левая и прокоммунистическая печать, издающаяся среди нашего русского зарубежья, нам растолковала, к какой категории относятся убийцы Карреро Бланко: к категории хороших убийц, каковыми по мнению этой прессы были

убийцы наших царей и наших вождей, или же к категории плохих убийц, каковыми по мнению той же прессы являются арабские террористы).

Из всего этого следует, что римо-католическая Церковь столкнулась на территории коммунистических режимов с аналогичными проблемами, перед которыми когда-то оказалась и наша русская православная Церковь. Но все эти проблемы, в конечном итоге сводятся к дилемме: исповедничество или соглашательство. Средние пути невольно приводят также к тому же выбору.

Легитимное возглавление русской Церкви стояло за принципиальное исповедничество, что не мешало ему признать факта существования в России атеистической власти, и чисто гражданского, формального ей повиновения. Но повиновения не в области совести, а тем паче в области церковной. Отделение Церкви от государства, проповедуемое разными идеологиями, если и разрушает симфонию между Церковью и государством, ведущую свое начало от Св. Константина Великого, то должно хотя бы, как минимум, гарантировать внутреннюю свободу для Церкви. Как теперь доказано рядом документов и свидетельств, опубликованных в нашем Зарубежье после Второй мировой войны, не только канонически легитимное возглавление нашей Церкви, но и большинство наиболее авторитетных ее иерархов стояли за исповедничество, и не только по принципиальным соображениям, но и потому что считали что этот путь наиболее верным для торжества Церкви над ее врагами, как это показала и доказала вся ее история.

Только лишь физическим устранием канонического возглавления нашей Церкви и большинства ее Иерархов, удалось атеистической власти добиться от некоторых иерархов соглашательства. Раз установленное, в начале тридцатых годов, такое соглашатель-

во стало оковами для нашей Церкви на родине, но оно не является принципиально окончательным, ибо оно никогда не было вполне свободным, ни вполне каноническим, ни — что самое главное — соборным. Соборность это одна из, четырех отличительных характеристик Единой Святой Соборной Апостольской Церкви, и в ней якорь спасения не только от ересей, но и от вообще всех нарушений церковной жизни. Поэтому в последнее время учащаются нападки на это начало нашей Церкви, вплоть до ложного истолкования самого значения этого слова, как это недавно случилось в одном зарубежном журнале, где оно неправильно переведено как «вселенскость». Одновременно тут и там слышатся слова о необходимости усиления церковной бюрократии и большего ей подчинения. Дело в том, что на бюрократию можно оказывать любое давление, вплоть до физического, иногда же можно даже инфильтрировать в эту же бюрократию врагов Церкви (как это на деле можно наблюдать тут и там). Таким образом, если Церковь будет зависеть от даже наилучшей бюрократии, то ее положение будет гораздо хуже чем если она будет стоять на камне соборного исповедания, в согласии с тем как вся Церковь всегда и повсюду исповедывала свою Правду. (Св. Игнатий Богоносец так и определяет кофолитность, т. е. соборность).

У римо-католической Церкви замечательная бюрократия, не менее замечательная дипломатия, каноническое ее возглавление внешне вполне свободно и находится вне достижения всяких чисто физических угроз, но и она перед лицом атеистических режимов пошла по пути соглашательства, а не по пути принципиального исповедничества. Но и в ней, такой путь (указанный ей бюрократией), не принимается соборно всеми и повсюду. Даже один голос Правды может быть сильнее многих голосов полуправды, как это наглядно показали исторические результаты Флорентийской Унии.

Настоящая сила римо-католической Церкви в том, что она кроме бюрократии имеет еще таких исповедников, как кардинал Миндсенти.

БОРИС ГЛЕБОВ

и среди вольных, хотя бока мои уже лежали на гнилой соломе у параша, хотя глаза мои уже видели избитых и бессонных, уши слышали истину, рот отведал баланды — почему ж я молчу? почему ж я не просвещаю обманутую толпу в мою последнюю гласную минуту?

Я молчал в польском городе Бродницы — но, может быть, там не понимают по-русски? Я ни слова не крикнул на улицах Белостока — но, может быть поляков это всё не касается? Я ни звука не проронил на станции Волковыск — но она была малолюдна. Я как ни в чём не бывало шагал с этими разбойниками по минскому перрону — но вокзал еще разорён. А теперь я ввожу за собой смершевцев в белокупольный круглый верхний вестибюль метро Белорусского-радиального, он залит электричеством, и снизу вверх навстречу нам двумя параллельными эскалаторами поднимаются густо-установленные москвичи. Они, кажется, все смотрят на меня! они бесконечной лентой оттуда, из глубины незнания — тянутся, тянутся, под сияющим куполом ко мне хоть за словечком истины — так что ж я молчу?!..

А у каждого всегда дюжина глaddenких причин, почему он прав, что не жертвует собой.

Одни еще надеются на благополучный исход и криком своим боятся его нарушить (ведь к нам не наступают вести из потустороннего мира, мы же не знаем, что с самого мига взятия наша судьба уже решена почти по худшему варианту, и ухудшить её нельзя). Другие еще не дозрели до тех понятий, которые слагаются в крик к толпе. Ведь это только у революционера его лозунги на губах и сами рвутся наружу, а откуда они у смиренного, ни в чём не замешанного обывателя? он просто НЕ ЗНАЕТ, ЧТО ему кричать. И наконец, еще есть разряд людей, у которых грудь слишком переполнена, глаза слишком много видели, чтобы можно было выплеснуть это озеро в нескольких бессвязных выкриках.

А я — я молчу еще по одной причине: потому, что этих москвичей, уставивших ступеньки двух эскалаторов, мне всё равно мало — мало! Тут мой вопль услышат двести, дважды двести человек — а как же с двумястами миллионами?.. Смутно чудится мне, что когда-нибудь закричу я двумстам миллионам...

А пока, не раскрывшего рот, эскалатор неукротимо сволокивает меня в преисподнюю.

И еще я в Охотном ряду смолчу.

Не крикну около «Метрополя».

Не взмахну руками на Голгофской Лубянской площади...

**

У меня был, наверно, самый лёгкий вид ареста, какой только можно себе представить. Он не вырвал меня из объятий близких, не оторвал от дорожной нам домашней жизни. Дряблым европейским февралём он выхватил меня из нашей узкой стрелки к Балтийскому морю, где окружали не то мы немцев, не то они нас — и лишил только привычного дивизиона да картины трёх последних месяцев войны.

Комбриг вызвал меня на КП, спросил зачем-то мой пистолет, я отдал, не подозревая никакого лукавства, — и вдруг из напряженной неподвижной в углу офицерской свиты выбежало двое контрразведчиков, в несколько прыжков пересекло комнату и четырьмя руками одновременно хватаясь за звёздочку на шапке, за погоню, за ремень, за полевую сумку, драматически закричали:

— Вы — арестованы!!

И обожженный и проколотый от головы к пяткам, я не нашелся ничего умней, как:

— Я? За что?!

Хотя на этот вопрос не бывает ответа, но вот удивительно — я его получил! Это стоит упоминать потому, что уж слишком непохоже на наш обывай. Едва смершевцы кончили меня потрошить, вместе с сумкой отобрали мои политические письменные размышления, и, угнетаемые дрожанием стёкол от немецких разрывов, подталкивали меня скорей к выходу, — раздалось вдруг твёрдое обращение ко мне — да! через этот глухой обруб между оставшимися и мною, обруб от тяжело упавшего слова «арестован», через эту чумную черту, через которую уже ни звука не смело просочиться, — перешли немислимые, сказочные слова комбрига!

— Солженицын. Вернитесь.

И я крутым поворотом вынырнул из рук смершевцев и шагнул к комбригу назад. Я его мало знал, он никогда не снизошел до простых разговоров со мной. Его лицо всегда выражало для меня приказ, команду, гнев. А сейчас оно задумчиво осветилось — стыдом ли за своё подневольное участие в грязном деле? порывом стать выше всежизненного жалкого подчинения? Десять дней назад из мешка, где оставался его огневой дивизион, двенадцать тяжелых орудий, я вывел почти что целой свою развед-батарею — и вот теперь он должен был отречься от меня перед клочком бумаги с печатью?

— У вас... — веско спросил он, — есть друг на Первом Украинском фронте?

— Нельзя!.. Вы не имеете права! — закричали на полковника капитан и майор контрразведки. Испуганно сжалась свита штабных в углу, как бы боясь разделить неслыханную опрометчивость ком-

брига (а политотдельцы — и готовясь дать на комбрига м ат е р и а л). Но с меня уже было довольно: я сразу понял, что я арестован за переписку с моим школьным другом, и понял, по каким линиям ждёт мне опасность.

И хоть на этом мог бы остановиться Захар Георгиевич Травкин! Но нет! Продолжая очищаться и распрямляться перед самим собою, он поднялся из-за стола (он никогда не вставал навстречу мне в той прежней жизни!), через чумную черту протянул мне руку (вольному, он никогда её мне не претягивал!) и, в рукопожатии, при немом ужасе свиты, с ошеленностью всегда сурового лица сказал бесстрашно раздельно:

— Желаю вам — счастья — капитан!

Я не только не был уже капитаном, но я был разоблачённый враг народа (ибо у нас всякий арестованный уже с момента ареста и полностью разоблачён). Так он желал счастья — врагу?

Дрожали стёкла. Немецкие разрывы терзали землю метрах в двухстах, напоминая, что это оно могло бы случиться там глубже на нашей земле, под колпаком устоявшегося бытия, а только под дыханием близкой и ко всем равной смерти.⁵⁾

Эта книга не будет воспоминаниями о собственной жизни. Поэтому я не буду рассказывать о забавнейших подробностях моего ни на что не похожего ареста. В ту ночь смершевцы совсем отчаялись разобраться в карте (они никогда в ней и не разбирались), и с любезностями вручили её мне и просили говорить шофёру, как ехать в армейскую контрразведку. Себя и их я сам привёз в эту тюрьму и в благодарность был тут же посажен не просто в камеру, а в карцер. Но вот об этой кладовочке немецкого крестьянского дома, служившей временным карцером, нельзя упустить.

Она имела длину человеческого роста, а ширину — троим лежать тесно, а четверым — впритыску. Я как раз был четвёртым, втолкнул уже после полуночи, трое лежавших поморщились на меня со сна при свете керосиновой копилки и подвинулись. Так на истолчённой соломе пола стало нас всесем сапог к двери и четыре шинели. Они спали, я пылал. Чем самоуверенней я был капитаном полдня назад, тем больней было защемииться на дне этой камерки. Раз-другой ребята просыпались от затёклости бока, и мы разом переворачивались. К утру они ото-

⁵⁾ И вот удивительно: человеком всё-таки МОЖНО быть! — Травкин не пострадал. Недавно мы с ним радушно встретились и познакомились впервые... Он — генерал в отставке и ревизор в союзе охотников.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА

АРХИМАНДРИТ АНТОНИЙ

Нам пишут из Нью Йорка:

Начальник духовной миссии русской зарубежной Церкви, архимандрит Антоний (Габбе), был принят в Аммане иорданским королем Гуссейном и вручил ему почетный знак Православного Палестинского Общества.

ВЫДАЧА ГЕНЕРАЛА ВЛАСОВА

Нам пишут из Нью Йорка:

После издания книги А. И. Солженицына «Архипелаг Гулаг» парижским издательством редакция «Нью Йорк Таймс» обратилась к советскому агентству «Новости» в Москве с просьбой снабдить названную газету критическим отзывом об этой книге и получила подписанную советским писателем Юрием Бондаревым статью, в которой не было ни слова об описанных Солженицыным преступлениях ленинской и сталинской эпохи коммунистической диктатуры в России. Статья Бондарева состояла, почти исключительно, из восхваления обороны Сталинграда советскими войсками и из изображения генерала А. А. Власова бездарным военачальником, добровольно и сознательно сдавшимся немцам в плен.

Редакция «Нью Йорк Таймс» снабдила касавшуюся А. А. Власова часть статьи Ю. Бондарева примечанием, в котором написала, что генерал Власов был захвачен советскими войсками после поражения Германии в 1945 году. Это изображение судьбы генерала Власова вызвало возражение читателя упомянутой газеты Лауренса Матлофф, приславшего редакции письмо, которое она опубликовала.

Автор письма написал, что «генерал-лейтенант Андрей А. Власов и возглавленные им войска не были захвачены советской властью в момент прекращения военных действий. Он и его войска находились тогда между занявшей Прагу и продвигавшейся вперед советской армией и между третьей американской армией, которая заняла Пильзен в Чехословакии. Генерал Власов предпочел

сдаться третьей армии, которая подвергла заключению его и его группу и, по соглашению с советской властью, выслала их из американской оккупационной зоны в Чехословакии в советскую оккупационную зону, где генерала Власова постигла гибель».

В воскресенье 17-го марта с. г. в 12 часов по окончании Божественной литургии в храме Св. Преп. Сергия Радонежского (Falucho 854, Villa Ballester) будет отслужен

ОБЩИЙ МОЛЕБЕН

перед началом учебного года. По окончании молебна Директор школы просит родителей учащихся обязательно собраться в школьном помещении для обмена мнениями в связи с началом занятий.

Занятия в Св.-Сергиевской Церковно-приходской школе начнутся в субботу 23 марта с. г. в 14 часов.

† В четверг 7-го марта в 8 часов вечера в сороковой день кончины

ЛЕЙТЕНАНТА РУССКОГО КОРПУСА
ДЬЯКОНА ЛЕОНИДА КАЗАНЦЕВА
в храме Покрова Пресвятой Богородицы в Темперлее
(Anchorena esq. Zuviria)
будет отслужена панихида
о чем сообщает семья почившего.

† 16 февраля с. г. в городе Ла Плата на 42-ом году жизни скорпостижно скончался староста храма Страшного Суда в Абастро профессор физико-математического факультета лаплатского университета инженер аэронавтики

АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ ТОПОРКОВ

о чем с глубокой скорбью сообщают родители почившего
Н. Г. и А. А. Топорковы

Отпевание совершил протоиерей Сергей Иванов. Погребение совершено на лаплатском кладбище. 17 февраля в храме Страшного Суда Высокопреосвященным архиепископом Афанасием была отслужена панихида. 23 марта в этом же храме будет отслужена панихида.

† 19-го марта с. г. в 40-й день кончины

ИВАНА ДМИТРИЕВИЧА ЧЕТВЕРИКОВА

в Кафедральном Соборе Воскресения Христова в 20 часов будет отслужена панихида,
о чем сообщает семья покойного.

† 28 февраля, после продолжительного тяжелого недуга, по воле Господней тихо отошла в вечность

ЛИДИЯ ИВАНОВНА ШТРОМ,

о чем с глубокой скорбью извещают муж, дочь, зять и внуки.

«ДЕМОНСТРАНТЫ»

Нам пишут из Нью Йорка:

Перед зданием советского консульства в Сан Франциско состоялась демонстрация, организованная комитетом борьбы с преследованием гомосексуалистов в СССР». Участники демонстрации

ЗУБНОЙ ВРАЧ
Dra. PISAREDICH de HORNBAIN
Docenta de Facultad de Odontología
ДОКТОР МЕДИЦИНЫ
(говорит по-русски)
Специальное лечение корней зубов.
Бор-машина Ultrasonico.
Искусственные зубы.
Рентгеновские снимки.
Прием ежедневно от 14 до 20 час.
Corrientes 2885, P. 2, Dto 22, Capital
T. E. 88 - 3605

НАША СТРАНА

ОРГАН РУССКОЙ
МОНАРХИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
Издатель-Редактор
Т. В. ДУБРОВСКАЯ
Со-Редактор
Н. Л. КАЗАНЦЕВ

БЛАГОДАРНОСТЬ

Его Высокопреосвященство, Владыку Архиепископа Афагасия просим принять нашу глубокую признательность за сердечное отношение и внимание к постигшему нас горю.

Иерею Воскресенского Кафедрального Собора отцу Иоанну, за последнее напутствие почившей и настоятелю Св.-Сергиевского Храма отцу Владимиру Шленеву за его помощь и хлопоты о погребении приносим сердечную благодарность.

Наших друзей, Кают-Компанию и добрых знакомых за проявленное трогательное участие во время болезни дорогого нам человека и морально поддерживавших нас в тяжелые минуты, пришедшим отдать последний долг и проводивших почившую к месту последнего упокоения искренне благодарим.

А. А. ШТРОМ с семьей.

ЗУБНОЙ ВРАЧ

Doctora

А. В. НИКИТИНА-ЧУЧУВАДЗЕ
Endodoncia — лечение корней зубов,
технические работы, рентгеновские снимки, бор-машина ultra-sonico.
Прием по предварительной записи.
Понед., вторник, четверг и пятница
от 15 до 20 час.
T. E. 88-0431. PANAMA 914, p. 5, A
Один квартал от подземной жел. дор.
Angel Gallardo по улице Corrientes.

несли плакаты с надписями на английском, русском, итальянском, французском, испанском и немецком языках и требовали освобождения арестованного в Москве за гомосексуализм кинорежиссера Сергея Параджанова.

Доктор
ДМИТРИЙ ПОЛЯКОВ
ПО ВНУТРЕННИМ БОЛЕЗНЯМ
принимает: вторник и четверг
от 15 до 19 час.
остальные дни: заказывать часы.
Pueyrredón 443, Villa Ballester
четыре квартала от станции.
T. E. 768 - 5113

спались, зевнули, крикнули, подобрали ноги, рассунулись в разные углы, и началось знакомство.

— А ты за что?

Но смутный ветерок настороженности уже опанул меня под отравленной кровлею СМЕРШ-а, и я простосердечно удивился:

— Понятия не имею. Рази ж говорят, гады?

Однако сокамерники мои — танкисты в черных мягких шлемах, не скрывали. Это были три честных, три немудрящих солдатских сердца — род людей, к которым я привязался за годы войны, будучи сам и сложнее и хуже. Все трое они были офицерами. Погоны их тоже были сорваны с озлобленным, кое-где торчало и нитяное мясо. На замызганных гимнастерках светлые пятна были следы свинченных орденов, темные и красные рубцы на лицах и руках — память ранений и ожогов. Их дивизион на беду пришел ремонтироваться сюда, в ту же деревню, где стояла контрразведка СМЕРШ 48-й Армии. Отволгнув от боя, который был позавчера, они вчера выпили и на задворках деревни вломались в баню, куда, как они заметили, пошли мыться две забористые девки. От их плохопослушных пьяных ног девушки успели, полуодевшись, ускакать. Но оказалась одна из них не чья-нибудь, а — начальника контрразведки Армии.

Да! Три недели уже война шла в Германии, и все мы хорошо знали: окажись девушки немки — их можно было изнасиловать, следом расстрелять, и это было бы почти боевое отличие: окажись они польки или наши угнанные русачки — их можно бы во всяком случае гонять голыми по огороду и хлопать по ляжкам — забавная шутка, не больше. Но поскольку эта была «походно-полевая жена» начальника контрразведки — с трёх боевых офицеров какой-то тыловой сержант сейчас же злобно сорвал погоны, утверждённые им приказом по фронту, снял ордена, выданные Президиумом Вер-

ховного Совета — и теперь этих вояк, прошедших всю войну и смявших, может быть, не одну линию вражеских траншей, ждал суд военного трибунала, который без их танка еще б и не добрался до этой деревни.

Копилку мы погасили, и так уж она сожгла всё, чем нам тут дышать. В двери был прорезан в о л ч е к величиной с почтовую открытку, и оттуда падал неяркий свет коридора. Будто беспокоясь, что с наступлением дня нам в карцере станет слишком просторно, к нам тут же п о д к и н у л и п я т о г о. Он вшагнул в новенькой красноармейской шинели, шапка тоже новой, и когда стал против волчка, явил нам курносое свежее лицо с румянцем во всю щеку.

— Откуда, брат? Кто такой?

— С т о й стороны, — бойко ответил он. — Шпиён.

— Шутить? — обомлели мы. (Чтобы шпион и сам об этом говорил — так никогда не писали Шейнин и б, а т ь я Тур!)

— Какие могут быть шутки в военное время! — рассудительно вздохнул паренёк. — А как из плена домой вернуться? — ну, научите.

Он едва успел начать нам рассказ, как его сутки назад немцы перевели через фронт, чтоб он тут шпионил и рвал мосты, а он тотчас же пошел в ближайший батальон сдаваться, и бессонный измотанный комбат никак ему не верил, что он шпион, и посылал к сестре выпить таблеток, — вдруг новые впечатления ворвались к нам:

— На opravку! Руки назад! — звал через распахнувшуюся дверь старшина-л о б, вполне бы годный перетягивать хобот 122-х миллиметровой пушки.

По всему крестьянскому двору уже расставлено было оцепление автоматчиков, охранявшее указанную нам тропку в обход сарая. Я взрывался от негодования, что какой-то невежа-старшина смел ко-

мандовать нам, офицерам, «руки назад», но танкисты взяли руки назад, и я пошел вослед.

За сараем был маленький квадратный загон с еще нестаявшим утоптаным снегом — и весь он был загажен кучками человеческого кала, так беспорядочно и густо по всей площади, что нелегка была задача — найти где бы поставить две ноги и присесть. Всё же мы разобрались и в разных местах присели все пятеро. Два автоматчика угрюмо выставили против нас, низко присевших, автоматы, а старшина, не прошло минуты, резко понукал:

— Ну, поторапливайся! У нас быстро управляются!

Недалеке от меня сидел один из танкистов, ростовчанин, рослый хмурый старший лейтенант. Лицо его было зачернено налётом металлической пыли или дыма, но большой красный шрам через щеку хорошо на нем заметен.

— Где это у в а с? — тихо спросил он, не выказывая намерения торопиться в карцер, пропахший керосином.

— В контрразведке СМЕРШ! — гордо и звончей, чем требовалось, отрубил старшина. (Контрразведчики очень любили это бескусно-сляпанное — из «смерть шпионам!» — слово. Они находили его пугающим.)

— А у нас — медленно, — раздумчиво ответил старший лейтенант. Его шлем сбился назад, обнажая на голове еще не состриженные волосы. Его одубелая фронтовая задница была подставлена приятному холодному ветерку.

— Где это — у в а с? — громче, чем нужно, гавкнул старшина.

— В Красной Армии, — очень спокойно ответил старший лейтенант с корточек, меряя взглядом несостоявшегося хоботного.

Таковы были первые глотки моего гюремного дыхания.
АЛЕКСАНДР СОЛЖЕНИЦЫН